

К ПРИНЦИПАМ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Потенциал традиционных описательных грамматик далеко не исчерпан. Под традиционными — применительно к русскому языку — подразумеваются в данном случае три академические грамматики второй половины прошлого века: [Грамматика... 1952–1954], [Грамматика... 1970] и [Русская грамматика 1980]. К ним также следует причислить (с некоторыми оговорками) и «Краткую русскую грамматику» [Краткая... 1989]. За десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет «Русской грамматики», в русистике разработан ряд альтернативных моделей описания грамматического строя (некоторые из перечисляемых ниже моделей начинали разрабатываться еще в 1960-е годы, но результаты были опубликованы позже «Русской грамматики»): функциональная гесп. коммуникативная [ТФГ 1987–1996; Золотова и др. 1998; Всеволодова 2000, 2004; Мустайоки 2006], когнитивная — как в структурно-когнитивном [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010], так и в «собственно»-когнитивном вариантах [Норман 2013], модель «Смысл ↔ Текст» [Mel'čuk, Pertsov 1987; Mel'čuk 1988; Мельчук 1995; 2012], «корпусно-типологическая» [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)]. Однако ни одна из перечисленных моделей не отвечает полностью трем минимальным требованиям, которые лежат в основе традиционных описаний:

- 1) целостность: описание должно охватывать весь (грамматический) строй языка;
- 2) единство: описание должно опираться на единую концепцию;
- 3) полнота: описание может служить грамматическим тезаурусом, для чего оно должно с максимально достижимой полнотой представлять синтаксические конструкции, допустимые в данном языке (во всяком случае — в его нормированной общенациональной разновидности).

[ТФГ 1987–1996] не удовлетворяет требованиям (1, 3), поскольку она преследует цель не столько собственно описания, сколько теоре-

тического обоснования развиваемой концепции и выполнена на материале разных языков.

Работа [Золотова и др. 1998] не удовлетворяет требованию (3), о чем свидетельствует замечание в кратком предисловии «От авторов», которые «не стремились к исчерпывающей полноте описания» [Там же: 3]. Кроме того, и грамматический строй языка охвачен в работе далеко не целиком.

Работа [Всеволодова 2000], как видно уже из ее названия, не удовлетворяет, по меньшей мере, требованию (1). То же относится и к работам [Мустайоки 2006; Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010; Норман 2013].

В рамках концепции «Смысл ↔ Текст» пока не создано работы, отвечающей требованиям (1, 3).

Наконец, [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)] пока не отвечает требованию (3) и никогда не будет отвечать требованию (2), что следует из принципов, опубликованных на сайте Проекта: «Описание жестко не привязано ни к одной из существующих лингвистических теорий, что защищает его от опасности “устареть” вместе с теорией и обеспечивает его доступность самому широкому кругу читателей. При этом описание теоретически “открыто”: в нем по возможности учитываются последние достижения, сделанные в рамках самых разных лингвистических направлений» [<http://rusgram.ru/about>].

Генеративистская модель описания грамматического строя в данном случае не рассматривается, так как задач, которые бы перекликались с требованиями (1, 3), она перед собой не ставит, — во всяком случае, соответствующие публикации, если они существуют, мне не известны.

Таким образом, перечисленные концепции могут быть названы альтернативными по отношению к традиционной описательной грамматике лишь условно. Реальной альтернативы ей они не составляют; зато учет их достижений представляется обязательным — что в обоснованиях и не нуждается.

Современная грамматика традиционного типа должна строиться компактнее сводов второй половины XX в. Очертим принципы такого построения применительно к синтаксису, сопровождая их, по мере необходимости, комментариями.

1. Существуют две дескриптивные стратегии моделирования в синтаксисе:

1) «алгоритмическая» (генеративная), в которой в качестве моделей выступают типизированные алгоритмы;

2) «номенклатурная», где в качестве моделей выступают готовые паттерны — например, структурные схемы словосочетаний и предложений.

Описательная грамматика опирается на вторую стратегию: в противном случае она не сможет удовлетворять требованию (3). Однако в грамматиках 1970 и 1980 гг. эти модели заданы развернутыми списками; системные отношения между ними не просто скрыты — вопрос о них даже не ставится. Между тем они, как представляется, должны составлять основу описания.

Опыт подобной систематизации синтаксических моделей представлен в [Золотова и др. 1998]: пяти базовым значениям предиката соответствуют пять базовых моделей предложения, все остальные интерпретируются как производные от них, получаемые путем различных модификаций [Там же: 101–206]. Правда, систематизация всех этих модификаций и получаемых в результате производных моделей, включая производные 2-го и далее порядков, в книге лишь намечена. В полной грамматике эта задача должна быть решена. В этом случае синтаксическая система неизбежно получит многоуровневое описание, возможные принципы построения которого очерчены в [Дымарский 2013а].

2. В целом описание может быть построено по принципу полевого структурирования, с выделением ядра, околядерной зоны, ближней периферии и дальней периферии. Применительно к различным звеньям синтаксической системы количество зон, разумеется, может варьировать: ср., например, шестичленную структуру синтаксического поля предложения в [Золотова и др. 1998: 205], которая на самом деле была предложена еще в монографии [Золотова 1982].

3. Ядро системы составляют 1) система синтаксических связей; 2) набор семантических типов предикатов с их актантным окружением; 3) базовые способы оформления предикативного центра (базовые модели простого предложения); 4) регулярные способы его модификации (изменения при введении отрицания, фазовые, модальные и т. п. модификации — и соответствующие производные модели простого предложения); 5) модели присловного распространения (словосочетания); 6) модели присхемного распространения (детерминации); 7) модели номинализации; 8) базовые модели актуального членения и порядка слов.

3.1. Система синтаксических связей может быть описана по меньшей мере в двух различных аспектах: формальном («техническом») и содержательном. Первый подразумевает внимание к средствам, обеспечивающим связь, второй — к отношениям между элементами, актуализируемым данным видом связи.

В плане «техники», с точки зрения манифестации, синтаксические связи подразделяются на коннективные и иннективные.

Коннексия — простое соположение соединяемых элементов (ср. примыкание как разновидность подчинения, связь детерминанта с

предикативным ядром предложения, некоторые бессоюзные предложения, бессоюзные однородные ряды). Сущность коннексии состоит в отсутствии специальных грамматических средств, маркирующих связь как таковую, за исключением интонации и порядка компонентов. Последние же не являются специфическим средством, отличающим коннективную связь от иннективной, поскольку они присутствуют при любом виде связи.

Иннексия, в отличие от коннексии, предполагает наличие специальных грамматических средств, к которым (в русском языке) относятся флексии, предлоги, союзы. Можно различать два вида иннективных связей: с лексикализованным коннектором и без такового (подробно см. [Дымарский 20136]).

В содержательном плане различаются предикативная связь, подчинение и сочинение. Каждый из этих видов связи может быть оформлен как иннективно, так и коннективно. Так, в предложениях с нексусом (координированными главными членами, по Н. Ю. Шведовой) предикативная связь оформлена иннективно, а в предложениях типа *Яблоки к полднику хорошо* — коннективно.

Подчинение и сочинение могут быть описаны как оппозиция внутри категории логического порядка, образующей поле, в ядре которого находятся наиболее ярко маркированные связи с иннективным оформлением — в таких конструкциях, как сложносочиненное предложение (с семантикой конъюнкции /дизъюнкции /противопоставления) vs. сложноподчиненное предложение, однородный ряд с сочинительными союзами vs. подчинительное словосочетание (с управлением или согласованием). За пределами ядра находятся связи, сочинительное vs. подчинительное оформление которых не (вполне) поддерживается отношениями, которые этими связями актуализируются: это связи в таких конструкциях, как предикативный центр + субъектный детерминант (оформлено как подчинение, но в реальности подчинения нет)¹, сложносочиненные предложения с семантикой присоединения, пояснения и градации (обязательный для сочинения признак грамматического равноправия здесь ослаблен и осложнен противоположным по смыслу признаком семантического неравноправия), так называемые взаимоподчиненные сложные предложения. Еще дальше от ядра находятся связи с коннективной манифестацией: предикативный центр + обстоятельственный детерминант (наречие), словосочетания с примы-

¹ Если субъектный детерминант рассматривается не только как носитель предикативного признака в семантическом плане (А. В. Бондарко), но и грамматически как (неканоническое) подлежащее (ср. [Циммерлинг 2012]), то данная связь должна рассматриваться как предикативная, причем вопрос о характере связи в таком случае заслуживает отдельного обсуждения.

канием и — в особенности — аппозицией, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные предложения разных типов. По мере движения от ядра к периферии нарастает присутствие коннексии — вплоть до ее полного господства на дальней периферии поля.

Структура поля логического порядка здесь лишь бегло очерчена, она требует углубленной разработки, которая, несомненно, внесет в намеченную схему существенные уточнения. Можно надеяться, что решение этой задачи приведет к удовлетворительной систематизации синтаксических связей, отсутствие которой ощущается столь же остро, сколь и давно.

3.2–3. Второй ядерный компонент синтаксической системы в целом — набор семантических типов предикатов с их актантным окружением, а также система базовых структурных моделей предикативного центра.

В классификациях семантических типов предикатов недостатка нет (имеются в виду работы П. Адамца, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, В. В. Богданова, Т. В. Булыгиной, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, Ф. Данеша и К. Гаузенблаза, Г. А. Золотовой, О. Н. Селиверстовой, Ю. С. Степанова, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и мн. др.), как нет и сомнений в том, что именно эти типы лежат в основе базовых семантических структур.

Сложность состоит в выборе базовой концепции и в определении принципов иерархизации: с одной стороны, такие обобщенные компактные классификации, как трехчленная типология в [Арутюнова 1976], представляются стоящими слишком далеко от реального многообразия материала; с другой стороны, такая дробность классификации, как в [Русские глагольные... 2002], не способствует прояснению системных отношений между моделями предложений.

Еще одна трудность заключается в том, что базовые семантические структуры связаны с базовыми структурными моделями предложения (структурными схемами) не взаимно-однозначными, а, скорее, множественно-вероятностными отношениями. Г. А. Золотова демонстрирует связь «основных моделей предложения» и их «типовых значений» серией примеров: *Сестра шьет* (глагольный предикат, действие субъекта) — *Сестре скучно* (предикат — категория состояния, состояние субъекта) — *Сестра добрая* (предикат — прилагательное, свойство предмета) и т. д. [Золотова и др. 1998: 105]. Однако вывод, будто предложения, выражающие состояние субъекта, всегда строятся по модели «слово категории состояния + дативный субъект», был бы неверен, поскольку предложение *Сестра скучает* выражает то же, но строится иначе. Соответственно, был бы неверен и вывод, будто все предложения, которые строятся по схеме $N_1 V_p$, выражают действие субъекта.

Опыт авторов работ [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010] показывает, что систему структурных схем, как моделей наиболее отвлеченных, целесообразно использовать как первичную данность; изложение в этом случае организуется по принципу «данная семантическая структура может реализоваться в следующих структурных схемах». В этом случае описание системы структурных схем предложения (базовых способов оформления предикативного центра) должно предшествовать характеристике семантических типов предикатов с их актантным окружением.

3.4. Регулярные способы модификации базовых моделей предложения хорошо известны: это изменения при введении отрицания, лексически выраженных фазовых и модальных значений, а также круга вспомогательных значений, выражающих становление признака, его сохранение, обнаружение, оценку с точки зрения его реальности и т.п.

Некоторые модификации ведут к появлению производных моделей предложения. Например, предложения с предикатами существования, наличия, обнаружения и т. п. (*У нас есть время поговорить; У Петровых было двое детей; В кармане нашлись стички и одна сломанная сигарета*) при введении отрицания существенно меняют грамматическое оформление предикативного центра: *У нас нет времени поговорить; У Петровых не было детей; В кармане не нашлось ни стичек, ни даже сломанной сигареты*. Модель, в которой отрицается существование, наличие, обнаружение субъекта, кодируемого в этом случае генитивом и лишшающегося, таким образом, статуса подлежащего (по меньшей мере канонического), следует рассматривать как производную.

Аналогичным образом стоит интерпретировать и модель, которая у Н. Ю. Шведовой приводится в одном ряду с другими — *Ни N₂ (Ни ветерка; В комнате ни души)*. (Следует еще раз подчеркнуть, что вопрос об отношениях производности между структурными схемами в трех грамматиках под редакцией Н. Ю. Шведовой не ставится, все модели даны как базовые.)

То же касается и ряда моделей с участием инфинитива в роли подлежащего: *Промолчать было разумно; Отказаться было обидеть; Дозвониться было проблемой; Промолчать было некстати*². С одной стороны, очевидно, что семантическая структура таких конструкций включает две пропозиции (начальный инфинитив выступает как имя первой из них) и, следовательно, они неэлементарны. С другой стороны, ясно, что в основе этих конструкций лежат модели с начальным компонентом N_1 (ср.: *Молчание было разумно; Задача — учиться*³;

² Примеры В. А. Белошапковой.

³ Пример Н. Ю. Шведовой.

Решение этой задачи было неотложной необходимостью; Молчание было некстати), а замена имени инфинитивом вызвана, прежде всего, ограничениями на образование имен действия в русском языке (*молчать* → *молчание*, но *промолчать* → ∅), и в особенности тем, что даже при наличии имени действия от данного глагола аспектуальные свойства последнего сохраняются в производном имени лишь частично (см. [Пчелинцева 2016]).

3.5. Модели (подчинительных) словосочетаний представляют собой не что иное, как модели присловного распространения. Можно было бы описывать эти модели так, как это делали еще в XVIII в., рассматривая по отдельности синтаксические свойства имен, глаголов и т.д., ср. главы «О сочинении имен», «О сочинении глаголов» и др. в «Наставлении шестом, о сочинении частей слова» в [Ломоносов 1755: 183 и сл.]. Однако такое морфологически ориентированное раздельное описание не отвечает представлению о единой подсистеме синтаксического строя и не вскрывает системных отношений между описываемыми моделями. Вместе с тем, выделение словосочетания в качестве самостоятельной синтаксической единицы (и вообще множественность выделяемых единиц синтаксиса) вносит противоречие в теорию уровневого строения языковой системы. Более целесообразным представляется подход, предполагающий единственность центральной единицы синтаксического строя — предложения — и вспомогательный статус других (синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой, словосочетания) — как единиц, скорее, описания, нежели собственно строевых. Выражение именно этого смысла преследуется в данном случае использованием формулы «модели присловного распространения».

3.6. В разделе, посвященном способам присхемного распространения (детерминации, в смысле Н. Ю. Шведовой), представляется целесообразным описывать только те виды детерминантов, которые автор понятия характеризовала как «формирующие неэлементарные семантические компоненты» предложения [Русская грамматика 1980: 150]. Так называемые субъектные детерминанты (*Мне грустно; У папы неприятности на работе*) и внешне локальные, но по сути обозначающие характеризуемый локус как носитель предиктируемого признака (*Дома уютно; На улице ветрено*), которые, по Шведовой, «формируют элементарные компоненты семантической структуры предложения» [Там же], должны описываться в разделе, посвященном семантическим типам предикатов с их актантным окружением и базовым способам оформления предикативного центра (основным структурным схемам). Причины очевидны. Следовательно, в данном разделе должны получить характеристику только случаи типа *У приятелей ты гений; Для юноши призвание — это серьезно; По мне ты*

можешь совсем сюда не являться; Тебе он самый умный; Среди животных овцы — самые пугливые (примеры Н. Ю. Шведовой [Там же: 153–154]), а также детерминанты с обстоятельственными значениями, за исключением локальных со значением субъекта характеристики.

3.7. Модели номинализации, насколько можно судить, до сих пор не выделялись в грамматиках в особый сюжет. Между тем такое решение кажется уместным, поскольку способы свертывания предикативной единицы в номинативную не только составляют важный компонент синтаксической системы, но также играют существенную роль в порождении высказывания. Описать устройство даже такого незамысловатого предложения, как *Приезд брата обрадовал сестру*, без опоры на понятие номинализации (*Брат приехал* → *приезд брата*) невозможно.

Развернутое представление способов номинализации органично связывает организацию семантически неэлементарного (полипропозитивного) предложения, с одной стороны, с моделями присловного распространения (в приведенном примере субъект исходной пропозиции принимает роль присловного распространителя при имени действия), с другой — с моделированием сложного предложения, поскольку любая полипропозитивная структура может быть развернута в сложное предложение (*Брат приехал, и сестра обрадовалась; Когда брат приехал, сестра обрадовалась; Брат приехал — сестра рада; То, что брат приехал, обрадовало сестру*). В этом смысле модели номинализации занимают одно из центральных мест в синтаксической системе, почему и представляется необходимым описать их в составе ее ядра.

3.8. Тезис о вхождении основных моделей актуального членения и порядка слов в базовый компонент синтаксической системы, как кажется, в доказательствах уже не нуждается. Более того, помимо классической книги [Ковтунова 1976] и опирающейся на нее детально разработанной концепции Т. Е. Янко [Янко 2001; 2008], мы располагаем прекрасными работами, в которых уже построены различные версии исчисления этих моделей: [Падучева 2016; Циммерлинг 2016]. Относительно некоторых решений можно дискутировать (например, исходное допущение А. В. Циммерлинга о необходимости «постулата о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого» [Циммерлинг 2013: 268]; полемику см. в [Дымарский 2017]); однако несомненно, что названные работы могут служить надежным фундаментом для данного раздела.

4. Околоядерная зона включает важнейшие средства осложнения и, в конечном счете, финального оформления высказывания: 1) спо-

собы структурного осложнения предложения (однородность, обособление); 2) способы коммуникативного осложнения (вокативность, вводность); 3) производные модели актуального членения; 4) закономерности расположения клитик.

4.1–2. Противопоставление структурного (структурно-семантического) осложнения коммуникативному предложено С. Г. Ильенко [1989/2003: 402–403]. Если введение однородных рядов или обособленных компонентов осложняет как структуру, так и семантику предложения, то использование обращений, вставных и вводных компонентов влияния на структуру не оказывает, их главное назначение — коммуникативная адаптация предложения, формирование его коммуникативного эскорта.

4.3. Под производными понимаются модели актуального членения, получаемые в результате линейно-акцентных преобразований (термин Е. В. Падучевой) — таких, как экспрессивная препозиция собственно ремы, дислокация ремы, в том числе с рецессией темы, тема-ремагическая инверсия, тематизация ремы, контрастная тема, контрастная рема, суперпозиция ремы и др. [Падучева 2015].

4.4. Закономерности расположения фразовых клитик в таких языках, как русский, не грамматикализованы [Циммерлинг 2013]. Тем не менее, тенденции, напоминающие о том, что в древнерусском языке (по меньшей мере, в его новгородском диалекте), как показал А. А. Зализняк [2008], действовал закон Ваккернагеля, в современном русском языке сохраняются. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать хотя бы иллюстративный материал посвященных частицам статей толковых словарей, в том числе диалектных. Так, данные 11 словарей свидетельствуют о том, что сослагательная частица *бы* (*б*) в абсолютном большинстве приводимых примеров занимает строго ваккернагелевскую позицию⁴. Сопоставление употребительности вариантов типа *Ты прилег бы* (пример из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова) и *Ты бы прилег* с помощью поисковой системы Google убедительно свидетельствует о том же: для первого варианта система выдает 40 вхождений (причем половина из них — цитаты из названного словаря), в то время как для второго объем выдачи превышает 3000 документов.

Носитель русского языка обычно не задумывается над тем, где расположить клитику, но это не значит, что соответствующим тенденциям не место в грамматическом описании. Во-первых, тенденция к сохранению за клитикой ваккернагелевской позиции ведет, как минимум, к интонационным модификациям базовых моделей предложения: просодия в *Ты прилег бы* и *Ты бы прилег* очевидно различна. В первом

⁴ См.: [Друпп 2018].

варианте, где позиция частицы при глаголе как бы наиболее логична, тема *Ты* подвергается интонационной редуции (вплоть до атонирования). Во втором варианте *Ты*, отделенное от ремы клитикой, получает более отчетливое самостоятельное ударение и более отчетливое оформление восходящим тоном (ИК-3). Во-вторых, грамматическое описание, которое служит основой, в том числе, учебных пособий по русскому языку как неродному и как иностранному, должно содержать подобные сведения в обязательном порядке.

5. Ближняя периферия формируется 1) базовыми моделями сложного предложения (например, двукомпонентные сложноподчиненные с изосемичным придаточным); 2) регулярными производными образцами простых предложений.

5.1. Отнесение базовых моделей сложного предложения к ближней периферии может показаться спорным, если исходить из представления о его вхождении в классическую для второй половины XX в. триаду синтаксических единиц «словосочетание — предложение — сложное предложение», не говоря уже о расширенных версиях (например, с включением в этот круг синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой). Однако, как уже сказано выше, представляется более целесообразным считать единицей синтаксического уровня языковой системы Предложение вообще (прототипически — простое). С таксономической точки зрения, перечисленные единицы образуют в этом случае не таксоны одного уровня, а иерархическую систему. Роль таксономического универсума в этой системе отводится Предложению, а простое, осложненное, сложное предложения занимают позиции таксонов в рамках этого универсума.

В теории сложного предложения (СП) важную роль играет тезис, согласно которому грамматическим значением СП является отношение между смыслами входящих в его состав предикативных частей, а кроме того, тезис о «смысловых приращениях», «порождении добавочной информации (если иметь в виду слушателя), или в высвечивании пресуппозиций (из которых исходил говорящий): *Книга была о бабочках, но брат ее прочел* (говорящий исходит из известного ему факта: бабочки брата не интересовали)» [Ильенко 2016: 265]. Однако подобные приращения смысла отнюдь не прерогатива СП: та же пресуппозиция без труда прочитывается и во фразе *Брат почему-то прочел книгу о бабочках*, хотя она представляет собой простое — и даже ничем не осложненное — предложение.

Многочисленные явления семантического изоморфизма между простым, простым осложненным и сложным предложением ясно говорят о том, что СП, как и осложненное предложение, не отдельная единица синтаксиса, а подтип Предложения, один из таксонов данной иерархической системы. Этот факт, а также факт очевидной производ-

ности (в синхронном плане) СП от простого предложения и заставляют отнести базовые модели СП к ближней периферии синтаксического поля, а производные от них модели — к дальней периферии.

В качестве базовых целесообразно рассматривать модели СП с наиболее прозрачным, прототипическим соотношением семантики и формы. Это означает, что, например, из сложносочиненных предложений с соединительными союзами сюда попадут не все, а только предложения с временными отношениями (открытой структуры). Предложения же с семантикой обусловленности, неожиданного результата, резкой смены событий, противопоставления, в которых наложение этих значений на базовое временное ведет к закрытию структуры, следует отнести к дальней периферии, так как они производны от первых и не вполне прозрачны в плане соотношения формы и семантики. То же касается, к примеру, сложноподчиненных предложений с целевыми союзами: в качестве базовой модели следует рассматривать только предложения с собственно целевой семантикой. Конструкции же, семантика которых квалифицируется как условно-целевая (*Чтобы иметь право судить, надо обладать мужеством беспристрастно относиться к себе* (Ф. Гладков)), противительно-целевая (*Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными* (А. Н. Толстой)), причинно-целевая (*Солдаты не решились выпрыгнуть, чтобы не разбежались другие арестованные* (А. Фадеев)), образа действия (*Нужно рассуждать кратко, складно, чтобы слушать тебя было занятно* (М. Горький)), перечислительно-целевая (*Глаза Жюль Верна закрылись, чтобы никогда большие не раскрываться* (К. Андреев)) ([Ильенко 1962/2003: 299–303]; примеры отсюда же; приведенный перечень далеко не полон, см. [Данилова 2010]), должны быть безоговорочно отнесены к производным, находящимся на дальней периферии синтаксического поля.

5.2. Регулярные производные образцы простых предложений можно считать речевыми синтаксическими моделями. Они а) производны от базовых, б) обладают более сложной структурой, в) обладают ограниченной вариативностью коммуникативного задания и актуального членения, а также г) фиксированным с точностью до лексико-семантической группы (в отдельных случаях — до лексической единицы) способом выражения по меньшей мере одного из компонентов исходной языковой структуры. Возможно и более дробное членение: на базовые модели, речевые модели и модели высказываний (обоснованное в [Дымарский 2013а]). Примерами могут служить идентифицирующие модели *Так вот + [вопросительное предложение]*, ср. *Так вот о чем вы тут шептались!* или *Это / N₁ V_р* ср. *Это папа пришел*.

Соотношение базовой, речевой и модели высказывания можно проследить на примере регулярных дериватов от базовой структурной

схемы инфинитивного предложения *Inf*. Производные первого порядка включают обязательные частицы:

— ***Inf бы*** (оптативная модель, ср. *Выставить бы Филонова так, чтобы ахнул Париж!* (Е. Евтушенко));

— ***He Inf бы, Как бы не Inf*** (контроптативная модель, ср. *He уходить бы вам сегодня* (А. и Б. Стругацкие));

— ***He Inf же*** (модель со значением отвергаемой версии перспективы, ср. *He драться же ему с тещей* (В. Токарева, пример Алины Израэли из [Israeli 2016: 312] и целый ряд других).

В производных второго порядка закреплены эллипсис инфинитива и наличие обязательного распространителя (и не только детерминанта), который и берет на себя роль «представителя» модели:

— (***Interj_{эмоц.} (D) (N₃) бы N^{opt}_{2/4}***) (оптативно-объектная модель, ср. (*Ох,*) *теперь бы пивка; Мне бы вот эти часы*);

— ***N^{imp}₄ | N₃*** (императивно-объектная модель, ср. *Кресло мне...* (М. Булгаков); *Звезду Суворову Александру Васильевичу!* (Рекламный ролик)).

Тем самым так называемые генитивные (или генитивно-аккузативные) предложения получают более удовлетворительную интерпретацию в качестве устойчивых неполных реализаций инфинитивной модели и исключаются из круга базовых моделей простого предложения.

6. Дальняя периферия включает 1) производные модели сложного предложения (например, с неизосемичной функцией придаточного, ср. модель со сравнительным придаточным в присубстантивной позиции *...с таким гневом, будто...*, или стандартизированные многокомпонентные построения типа *...сказали, что если..., то...*) и 2) (полу)фразаологизированные полипредикативные модели, сжатые до внешней монопредикативности (*Я не безумец лезть под пули*) — о последних см. [Дымарский 2016].

Предлагаемая модель описания синтаксического компонента грамматического строя русского языка, очерченная здесь, конечно, в самых общих чертах, позволяет, помимо прочего, наметить и разграничить уровни представления грамматических знаний: от минимального, необходимого при обучении русскому языку как иностранному и неродному, базового, элементы которого должны входить в школьную программу по русскому языку, — до основного, формирующего университетский курс, и далее.

Литература

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

- Всеволодова 2000 — *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.
- Всеволодова 2004 — *Всеволодова М. В.* Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
- Грамматика... 1952–1954 — Грамматика русского языка: В 2-х т. М., 1952–1954.
- Грамматика... 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
- Данилова 2010 — *Данилова Е. А.* Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.
- Друпп 2018 — *Друпп К. Р.* Русские фразовые частицы в лексикографической интерпретации (частицы *бишь, б (бы), дескать, же, ли, мол*): Магистерская диссертация / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2018.
- Дымарский 2013а — *Дымарский М. Я.* От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 308–330.
- Дымарский 2013б — *Дымарский М. Я.* К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. Институт лингвистических исследований РАН. М., 2013. С. 57–91.
- Дымарский 2016 — *Дымарский М. Я.* Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае *Я не безумец лезть под пули* // *Acta Slavica Estonica VIII*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое — чужое* в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 64–77.
- Дымарский 2017 — *Дымарский М. Я.* Когда черемуха цвела? (К постулату о базовом порядке слов в русском языке) // *Культура русской речи* (Гроговские чтения): V Международная научная конференция. М., 2017. С. 32.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ильенко 1962/2003 — *Ильенко С. Г.* К вопросу о сложноподчиненном предложении с придаточным цели в современном русском языке // *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 293–303. [Впервые опубликовано в 1962 г.]
- Ильенко 1989/2003 — *Ильенко С. Г.* Синтаксические единицы в тексте: Лекции // *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 389–460. [Впервые опубликовано в качестве пособия к спецкурсу для слушателей ФПК в 1989 г.]

- Ильенко 2016 — Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М., 2016.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Краткая... 1989 — Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.
- Ломоносов 1755 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». Венский славистический альманах. М.; Вена, 1995.
- Мельчук 2012 — *Мельчук И. А.* Язык: от смысла к тексту. М., 2012.
- Мустайоки 2006 — *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- Норман 2013 — *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М., 2013.
- Падучева 2015 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура предложения // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2015.
- Падучева 2016 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М., 2016.
- Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
- Пчелинцева 2016 — *Пчелинцева Е. Э.* От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб., 2016.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Русские глагольные... 2002 — Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
- ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.
- ТФГ 1996а — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- ТФГ 1996б — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- Циммерлинг 2012 — *Циммерлинг А. В.* Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Д. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.

- Циммерлинг 2013 — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.
- Циммерлинг 2016 — *Циммерлинг А. В.* Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М., 2016. С. 76–103.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2008 — *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Israeli 2016 — *Israeli A.* Dative-infinitive constructions with the particle ЖЕ in Russian: taxonomy and semantics // *Slavic and East European Journal*. Vol. 60. № 2. 2016. P. 307–336.
- Kiklewicz, Korytkowska 2010 — *Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski* / Kiklewicz A. K., Korytkowska M. (red.). Olsztyn, 2010.
- Mel'čuk, Pertsov 1987 — *Mel'čuk I. A., Pertsov N. V.* Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework. Amsterdam, 1987.
- Mel'čuk 1988 — *Mel'čuk I. A.* Dependency Syntax: Theory and Practice. Albany, N.Y., 1988.